

Павел Мишкин для ОВД-Инфо

28.10.2020

Российские суды общей юрисдикции

Дата публикации: 28.10.2020

[English version](#)

ВВЕДЕНИЕ

С начала пандемии COVID-19 российские суды были вынуждены приспособить свою работу к новым условиям и ограничениям. Вместе с тем они сами могли участвовать в формировании этих условий, организовывая собственную работу в чрезвычайных обстоятельствах, пересматривая ограничения, введенные региональными властями, рассматривая дела, связанные с обеспечением этих мер, влияя на загруженность мест лишения свободы.

Спустя полгода после начала эпидемии в России можно сделать выводы о том, какова была роль судов общей юрисдикции в установлении новых правил и как эти

правила проявили себя в работе судов в контексте прав и свобод человека.

ХРОНОЛОГИЯ

Январь — февраль

31 января — выявлен первый заболевший коронавирусом в РФ;

2 февраля — выявлен первый случай заболевания россиянина на территории России;

20 февраля — ограничен въезд на территорию России для граждан Китая и иностранцев, прибывших из Китая;

Март

5 марта — ввели режим повышенной готовности в Москве;

11 марта — ВОЗ объявил пандемию;

13 марта — главный санитарный врач России Попова А.Ю. выпустила постановление «О дополнительных мерах по снижению рисков распространения COVID-2019» (вступило в силу 17 марта), в котором изложены требования о сокращении очных рабочих встреч и совещаний, о дезинфекции и использовании средств индивидуальной защиты на рабочих местах (действия документа не распространялось на Москву);

18 марта — Верховный суд принял решение о введении ограничений для работы судов с 19 марта по 10 апреля;

18 марта — на территорию России запрещен въезд иностранным гражданам;

19 марта — во всех субъектах РФ введен режим повышенной готовности;

23 марта — мэр Москвы выпустил постановление, согласно которому людям старше 65 лет с 26 марта запрещено выходить на улицу без необходимости;

25 марта — в своем обращении президент РФ объявил о введении обязательной самоизоляции и объявил неделю нерабочих дней;

29 марта — выявлено более 1000 заболевших коронавирусом в Москве;

30 марта — ограничено движение через все пограничные пункты РФ;

Апрель

1 апреля — приняты и вступили в действие новые статьи в Уголовном кодексе и Кодексе об административных правонарушениях, предусматривающие ответственность за распространение недостоверной информации и нарушение режима самоизоляции и иных требований в период пандемии;

2 апреля — жителям Москвы запретили покидать дома за исключением случаев крайней необходимости.

8 апреля — Верховный суд продлил ограничения для работы судов до 30 апреля;

15 апреля — в Москве ввели обязательные цифровые пропуска для передвижения по городу;

21 апреля — Пленум Верховного суда опубликовал первый обзор практики применения норм, введенный для противодействия распространению коронавируса;

29 апреля — Верховный суд продлил ограничения для работы судов до 11 мая;

30 апреля — Пленум Верховного суда выпустил второй обзор практики применения законодательства в период пандемии;

Май

12 мая — снимаются общие ограничения на работу российских судов, теперь каждый суд сам определяет ограничения с учетом эпидемиологической ситуации;

20 мая — российским судом вынесен первый приговор по уголовному делу за распространение недостоверной информации в период пандемии.

РАБОТА СУДОВ НА ПРАКТИКЕ

Введение и снятие ограничений в работе судов

Первые **ограничения** были введены 18 марта и начали действовать на следующий день. Позже Верховный суд дважды продлевал эти меры: **8** и **29** апреля. Ограничения, которые мы детально разбираем ниже, действовали до **11** мая включительно.

В начале мая Судебный департамент Верховного суда направил в нижестоящие суды **письма**, указывая на необходимость возобновить работу в полном объеме с 12 мая. Судам разрешили корректировать правила работы в соответствии с эпидемиологической ситуацией в регионе. Мосгорсуд одним из первых **объявил** о том, что ограничения в столичных судах продлеваются.

Официально ограничения в московских судах были **сняты** 9 июня, после издания мэром указа «Об этапах снятия ограничений, установленных в связи с введением режима повышенной готовности».

В **отчете** Московской Хельсинкской группы отмечается, что ситуация в судах с 12 мая стала еще более неопределенной, так как на практике каждый суд самостоятельно устанавливал правила, в том числе правила посещения и рассмотрения дел. Кроме того, режим работы судов не всегда **согласовывался** с требованиями режима повышенной готовности в регионах.

Отложение рассмотрения дел

С 19 марта Верховный суд ввел мораторий на рассмотрение дел и предписал рассматривать только «безотлагательные дела», а другие перенести до конца карантинных мер.

Критерии «безотлагательности» в законодательстве не прописаны, а Верховный суд обозначил их лишь частично, оставив перечень открытым.

К «безотлагательным» ВС отнес дела об избрании меры пресечения, о медицинском вмешательстве в интересах несовершеннолетних и недееспособных, а также дела, рассматриваемые в упрощенном или приказном порядке. 8 апреля Верховный суд уточнил, что рассмотрению подлежат и административные дела с возможным наказанием в виде ареста, выдворения, приостановления или запрета деятельности, а также дела о нарушениях избирательного законодательства. Кроме того, в категорию «безотлагательных» попали дела о грубых дисциплинарных нарушениях военнослужащих, об обеспечении исков и те, в которых стороны не возражали против заочного разбирательства. Отдельно ВС отметил, что с учетом обстановки в регионе суды могли самостоятельно принимать решение о рассмотрении других дел.

На практике оказалось невозможно понять, какое дело отложат, а какое сочтут «безотлагательным». Так, рассмотрение Мосгорсудом апелляции осужденного к четырем годам и отбывающего наказание за мирный протест активиста Константина Котова, было **перенесено** с 26 марта на неопределенный срок. Дело начали **рассматривать** только 14 апреля, все это время Котов находился в заключении. Тверской районный суд Москвы, напротив, **не стал** откладывать рассмотрение дела Правозащитного центра «Мемориал» об отсутствии маркировки «иностранный агент»

Остается неясным, насколько суды, принимая решения о «безотлагательности», думали именно об эпидемиологической безопасности. Некоторые заседания явно создавали угрозу заражения для участников процесса. Так, в конце марта в Октябрьском районном суде Санкт-Петербурга адвокаты **подали**

ходатайство об отложении процесса по продлению меры пресечения из-за наличия внешних симптомов заболевания у судьи. Судья сочла такое поведение неуважительным и вынесла в отношении защитников частные определения с предписанием привлечь их к дисциплинарной ответственности. Впоследствии адвокатская палата Ленинградской области не нашла в действиях адвокатов каких-либо нарушений.

Течение сроков обжалования

Только 21 апреля Верховный суд уточнил, что пандемия не является основанием для приостановления сроков на подачу жалоб, до этого вопрос не был определен.

Судьи должны были рассматривать ходатайства о восстановлении сроков по каждому делу, учитывая конкретные обстоятельства. Иным образом поступил, например, Европейский суд по правам человека, приняв беспрецедентное **решение** приостановить все процессуальные сроки для заявителей с середины марта до середины июня.

Подобный подход Верховного суда сокращал нагрузку на судей, но гражданам приходилось собирать документы даже по несрочным делам в условиях эпидемии. То есть — в условиях нарастающего количества заболевших, ограничений передвижения и доступа в различные организации и учреждения, где могли находиться документы, ограничения способов подачи процессуальных бумаг, а также общей неопределенности объявленных президентом РФ в конце марта и продленных на весь апрель **нерабочих дней**.

- Верховный суд предписал подавать все процессуальные документы в электронном виде или почтой. В **соответствии** с уголовно-процессуальным правом, жалоба считается поданной в момент передачи в службу почтовой связи. Но на практике время, необходимое для почтовой доставки жалобы, не всегда учитывалось. Нам известен случай, когда районный суд в Москве отказался принимать апелляционную жалобу на приговор по уголовному делу лично из рук адвоката. В канцелярии уточнили, что жалобы во время карантинных мер можно передать только по почте. Пока жалоба шла по почте, подзащитного успели увезти в колонию.
- Режим работы судов во время объявленных президентом России «нерабочих дней» не был разъяснен Верховным судом, в результате чего каждый суд сам решал этот вопрос. На **практике** это привело к тому, что в некоторых судах сотрудники не забирали корреспонденцию с почты, а следовательно процессуальные документы не попадали в суды.
- В **отдельных случаях** юристы не могли направить документы в суд, так как процессуальное законодательство «не предусматривает» подачу некоторых документов в электронном виде.

Ограничение доступа в суды

Верховный суд потребовал с 19 марта ограничить доступ в суды людей, которые не являются участниками процесса. К 20 марта во всех регионах ввели режим повышенной готовности, где-то в том числе установив для людей особые правила передвижения по городу.

В совокупности это значительно ограничило гласность судопроизводства и возможности **ознакомиться** с материалами дела перед заседанием, как и права

граждан на личное участие в процессе, на защиту и на доступ к юридической помощи.

Гласность

Проблемы с посещением судебных заседаний возникли еще до постановлений Верховного суда. В Сортавальском городском суде в Карелии 17 марта судебные приставы **не пустили** в зал журналиста, уже находившегося в здании, сославшись на «распространение коронавируса». 18 марта в Псковском районном суде слушателей **не пустили** на заседание по уголовному делу свидетеля Иеговы. В пресс-службе суда это объяснили указом губернатора, запрещающим любые скопления людей. Хотя ограничения, **перечисленные** на сайте суда, были менее строгими и носили рекомендательный характер. В мае на заседании по делу «Сети» в Петербурге суд, ссылаясь на карантин, **не пустил** в здание ни слушателей, ни журналистов.

В некоторых случаях суды **разрешали** участникам процесса самостоятельно вести видеотрансляцию заседания. Однако, сами суды транслировали процессы либо публиковали записи прошедших заседаний в сети реже, чем это стоило бы делать для повышения прозрачности судопроизводства во время пандемии.

Законодательно вопрос трансляции судебных заседаний в интернете был **урегулирован** еще в 2017 году: подобная трансляция допускается с разрешения судьи. Однако весной 2020 года Верховный суд, вводя ограничения на доступ в суды, не предложил судам компенсировать снижение публичности с помощью интернет-трансляций. Суды, в свою очередь, в некоторых случаях отказывались вести трансляции и даже предоставлять СМИ аудиозаписи, ссылаясь на режим повышенной готовности.

При этом техническая возможность для интернет-трансляции судебных заседаний имелась. С сентября

2015 года суды **обязаны** записывать звук в административном судопроизводстве, с сентября 2019 года обязательное аудиопроотоколирование введено для уголовного и гражданского процесса. В Мосгорсуде с 2013 года все судебные заседания **записываются** на видео. Впоследствии видеозаписи начали вестись и в других столичных судах, но используются они не для большей прозрачности и гласности правосудия, а скорее для контроля за судьями со стороны председателей судов. «Один раз поступила жалоба на судью, что он пьяный вышел в процесс, — в марте 2020 года **поделилась** в интервью председатель Мосгорсуда Ольга Егорова. — Я включила видео, идет процесс, полная явка, а судья нетрезв. Это ужас! Я приезжаю в районный суд, а судья уже у себя в кабинете закрылся и спит. Уволили его в итоге по порочащим основаниям».

По данным на 25 сентября, на **сайте** Мосгорсуда доступны записи семи заседаний, прошедших с 19 марта до середины июля: пять дел рассматривались в самом Мосгорсуде, два других — в районных судах.

Доступ в собственный процесс

Помимо введенных самими судами ограничений, на посещение судов влияют и общие карантинные меры, принимаемые региональными исполнительными властями.

- Указ мэра Москвы от 2 апреля **обязал** граждан не покидать дома за исключением случаев крайней необходимости. Для посещения судов не предусмотрели исключений, что сделало **возможным** задержание и возбуждение административного дела за нарушение самоизоляции в случае похода в суд.
- В Татарстане **действовали** более мягкие правила: посещение судов было признано уважительной причиной для оформления пропуска, но сделать это можно было раз в месяц и всего на один час.

Право на защиту и юридическую помощь

Ограничение передвижения и доступа в суды сказалось и на реализации права на защиту и возможности получить юридическую помощь. Эта проблема проявилась в нескольких аспектах.

Во-первых, весной и в начале лета многие юристы не могли свободно перемещаться между регионами: в ряде регионов действовали требования двухнедельного карантина для приезжающих, в том числе из **Москвы** и **Санкт-Петербурга**. В середине мая юристы **опасались**, что после выхода из ограниченного режима работы суды возобновят рассмотрение дел, а представители сторон не смогут физически попасть на заседания.

Во-вторых, в особо уязвимом положении оказались юристы без статуса адвоката. С 15 апреля в Москве **ввели** пропускную систему: для передвижения по городу необходимо было получать цифровой пропуск, их количество было ограничено двумя в неделю. На адвокатов и их помощников при наличии удостоверения это требование не распространялось. 22 апреля в Минсвязи **заявили** о планах ввести цифровые пропуска в 21 регионе.

Юристы могли оформить пропуск от работы, но только если организация не закрывалась на карантин. В **указе** мэра Москвы от 10 апреля дан перечень категорий организаций, которые не закрывались на карантин, так как являются «критически важными» для города. Однако организации, оказывающие юридические услуги, в список не попали. Юристы без адвокатского статуса столкнулись с тем, что не могут оформить пропуск и в результате — встретиться с подзащитными или участвовать в судебном заседании, хотя рассмотрение многих дел продолжалось. Московские юристы **считают**, что таким образом было ограничено право на выбор представителя.

На проблему **пожаловались** в Европейский суд по правам человека. В жалобе указывалось, что юристы лишены возможности беспрепятственно оказывать гражданам юридическую помощь, а также что при заполнении пропуска необходимо указывать цель и маршрут поездки, а это может привести к разглашению личной информации заявителей.

В-третьих, в неравных условиях в некоторых судах оказываются защитники и представители обвинения. Например, в сентябре томские суды **заставляли** адвокатов ожидать начала заседания на улице, в то время как для прокуроров в здании суда есть специальное помещение. Иногда это приводит к тому, что юристам часами приходится ждать начала процесса, которое может сдвигаться по времени, а также откладываться без своевременного предупреждения.

Судебные процессы онлайн

Верховный суд предписал при наличии технических средств с 19 марта «инициировать рассмотрение дел путем использования систем видеоконференцсвязи».

Видеоконференцсвязь в рамках системы ГАС «Правосудие» предусматривает возможность сторонам

подключаться к заседанию удаленно из других госучреждений — судов, следственных изоляторов, тюрем и колоний. Для этого человек должен находиться в этом учреждении, что позволяет, в частности, подтвердить его личность и полномочия. 20 апреля Верховный суд **отчитался** о 20-летию своего применения видеоконференцсвязи, отметив, что к системе подключены все суды общей юрисдикции и более 90% учреждений ФСИН, ежедневно суды проводят более 1500 таких заседаний (по данным ВС, **озвученным** на следующий день, с 18 марта по 20 апреля 2020 года проведено 8 тысяч судебных заседаний с использованием систем видеоконференцсвязи).

21 апреля Верховный суд **сообщил** о начале использования новой для судов «системы веб-конференций» и впервые **провел** судебное заседание онлайн, во время которого судьи находились в зале суда, а стороны по делу подключились не через специальное оборудование, установленное в других судах, а с личных устройств.

«Российская газета» **отмечала**, что Верховный суд занялся этой проблемой еще в 2019 году, но пандемия ускорила процесс перехода на новые технологии. «Такая технология позволяет уже сейчас с помощью средств современной техники участвовать в судебном заседании, находясь при этом в офисе или даже дома. Этот процесс будет сопровождаться внедрением в судебную деятельность технологии биометрической аутентификации участника судебного заседания по лицу и голосу», — **рассказали** в пресс-службе ВС. Насколько эти технологии уже внедрены и готовы к использованию, неясно. Пока речь идет о «идентификации и аутентификации» через портал госуслуг, необходимых для получения ссылки на подключение к виртуальному залу заседания. Перед подключением к конференции «личность и полномочия проверяются судом». В июле Судебный департамент

Верховного суда **объявил** о планах интеграции сервисов ГАС «Правосудие» с порталом госуслуг.

29 апреля Верховный суд, продлевая действие ограничений, **рекомендовал** судам не только использовать видеоконференцсвязи, но и перенять свой опыт заседаний по веб-конференциям — «при наличии технической возможности с учетом мнений участников судопроизводства». Из постановления ВС следовало, что перед веб-конференцией участники процесса прикладывают к заявлению электронные образы документов, удостоверяющих личность и подтверждающих полномочия.

Как показала практика, районные суды оказались не готовы к дистанционному рассмотрению дел. Еще с конца марта некоторые заседания начинают проводиться с использованием мессенджеров, таких как **Whatsapp** или **Skype**, в которых невозможно идентифицировать участников процесса и гарантировать безопасность передачи данных.

Эпидемиологическая безопасность таких заседаний также оставляет желать лучшего. Когда суд в Казани в конце марта дистанционно рассматривал дело о нарушении правил организации митинга, привлекаемого вызвали для этого в отдел полиции. Юрист, представлявший его интересы, так **описывает** этот процесс: «Мы заходим во внутреннее помещение. Там сидят опера. Стоит ноутбук на подоконнике. В нем по скайпу, кажется, судья. Мы подходим вплотную к ноутбуку и говорим. При этом все сидят и смотрят на нас». Для ознакомления с материалами дела документы доставляли из суда в отдел полиции и обратно.

Суд в Кемерово во время заседания по **Whatsapp** **отклонил** ходатайство об участии защитника, находящегося в Москве. Истец выступил против, сославшись на то, что если адвокат прилетит из Москвы,

он «будет помещен в изоляцию», а при веб-конференции невозможно будет «удостоверить его полномочия». Связь на заседании была настолько плохая, что ответчик не понял, что в ходатайстве было отказано и в суде участвовал адвокат по назначению. При рассмотрении в Мосгорсуде дела Константина Котова 16 апреля защитники **ходатайствовали** о допросе свидетеля по видеосвязи. По словам адвоката, судья отказал в ходатайстве, сославшись на то, что Постановление ВС не является законом.

«Принятые рекомендательные указания Президиума ВС РФ и Президиума Совета судей РФ приводят к отсутствию единообразия, — **отмечал** в разговоре с „Адвокатской газетой“ советник Федеральной палаты адвокатов Сергей Насонов. — Где-то проводят веб-конференции, а где-то подвергают жизнь и здоровье участников процесса опасности и проводят заседания очно. Представляется глубоко ошибочным оставлять вопрос о режиме заседания на усмотрение судьи, это обесмысливает весь комплекс принятых мер. Необходим единый режим рассмотрения таких вопросов, обязательный для всех».

Вопросы вызывает и соответствие дистанционных заседаний действующему законодательству. Закон разрешает использовать видеоконференцсвязь через систему суда, например, если участник находится в другом регионе (тогда он приходит в другой суд и оттуда ведется трансляция), но возможность заседаний по веб-конференции с личных устройств им не предусмотрена.

В конце марта члены Совета Федерации Андрей Клишас и Алексей Русских **предложили** разрешить участникам гражданского, арбитражного и административного судопроизводства участвовать в судебных заседаниях удаленно со своих устройств. Совместно с бюро адвокатов «Де-юре» они подготовили пакет соответствующих

законопроектов, в апреле предложив использовать упрощенную процедуру видеоконференцсвязи и для уголовных дел. В июле **сообщалось**, что проект обсуждает комиссия Совета Федерации по совершенствованию законодательства в условиях пандемии. В октябре Минюст **рассказал** о подготовке законопроекта о дистанционном участии в судебном заседании и подаче документов в суд в электронном виде. Предполагается, что возможность участвовать в процессах удаленно появится с 2022 года.

РОЛЬ СУДОВ В РАЗГРУЗКЕ МЕСТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Пандемия остро поставила вопрос о разгрузке мест лишения свободы, где риски эпидемии особенно велики. Однако следователи были заинтересованы в том, чтобы обвиняемые находились в СИЗО, пока работа над уголовными делами приостанавливалась. В начале апреля в своем телеграм-канале глава правозащитной группы «Агора» Павел Чиков опубликовал **информационное письмо** из прокуратуры Калужской области, в котором правоохранительным органам предлагалось максимально быстро завершить следствие по тем делам, по которым подозреваемые или обвиняемые находятся под стражей. Если это невозможно и нет оснований для изменения меры пресечения — ходатайствовать о продлении ареста.

В этих условиях в первые недели эпидемии в России суды не только не сократили число арестованных, но, напротив, стали чаще направлять подозреваемых в следственные изоляторы.

В начале января 2020 года в следственных изоляторах **содержалось** 97781 человек.

В марте, после перевода судов в режим ограниченной работы, журналисты издания РБК **зафиксировали**

рекордное количество арестов в Москве: с 19 по 21 марта столичные суды удовлетворили как минимум 154 ходатайства об избрании ареста в качестве меры пресечения. К 1 апреля 2020 года под арестом было 99,8 тысяч человек, на две тысячи больше, чем в начале года.

Во второй половине апреля в СМИ появились публикации о том, что директор ФСИН направил письмо председателю Верховного суда с просьбой сократить количество арестов по не тяжким и экономическим преступлениям.

«В условиях проводимых мероприятий по противодействию распространения новой коронавирусной инфекции COVID-19 вызывает беспокойство высокая плотность лиц, содержащихся в следственных изоляторах и исправительных учреждениях» — указано в письме. Директор ФСИН отмечает, что в начале апреля 22 следственных изолятора (примерно каждый десятый) были переполнены.

30 апреля Верховный суд отметил, что арест является исключительной мерой пресечения и судам при его назначении следует «учитывать и факт проведения карантинных мероприятий в изоляторах временного содержания и следственных изоляторах». Через месяц, к 1 июня 2020 года, число арестантов сократилось на тысячу и составляло 98 804 человек.

За 3 летних месяца, когда во всей стране постепенно снимались карантинные ограничения, количество людей в СИЗО увеличилось более чем на 5,5 тысячи: по данным ФСИН, к 1 сентября число лиц, содержащихся в СИЗО, достигло 104 438 человек. Это может быть связано как с увеличением числа арестов, так и с замедлением следственных действий и судебных процессов, из-за чего все больше людей вынуждены ждать судебных постановлений в следственных изоляторах.

Еще одной мерой по разгрузке мест лишения свободы, на которую непосредственно влияли суды, было условно-досрочное освобождение осужденных. В марте Верховный суд не посчитал «безотлагательным» рассмотрение ходатайств об УДО, изменении вида исправительного учреждения или о замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания. «Медуза» **отмечала** со ссылкой на **разъяснения** Липецкой прокуратуры, что в результате в первые недели эпидемии отпускать досрочно из колоний фактически перестали. Несмотря на то, что перечень безотлагательных дел не был закрытым, многие суды ограничительно толковали эти положения, **откладывая** рассмотрение ходатайств об УДО. Верховный суд отнес рассмотрение ходатайств об условно-досрочном освобождении заключенных к безотлагательным только 30 апреля. По **данным** Судебного департамента Верховного суда, за первые шесть месяцев 2020 года суды рассмотрели на 5759 (или 13%) меньше ходатайств об УДО, чем за аналогичный период 2019 года; при этом поступило в суды на 3645 (или 8%) ходатайств меньше. Суды не начали чаще прибегать к условно-досрочному освобождению: доля удовлетворенных ходатайств снизилась с 50 до 49%.

РОЛЬ СУДОВ В ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕРАХ

Рассмотрение дел о нарушениях в связи с эпидемией

К 19 марта во всех регионах **был введен** режим повышенной готовности. С введением ограничительных мер в суды начало поступать огромное количество дел о нарушении обязательной самоизоляции и других карантинных мер. Соответствующие статьи были созданы либо существенно дополнены в марте 2020 года.

- Статья 236 УК о нарушении санитарно-эпидемиологических правил с апреля 2020 года предусматривает существенно более суровое наказание — штраф от 500 тысяч рублей и вплоть до двух лет лишения свободы (по первой части статьи).
- Статья 6.3 федерального КоАП о «нарушении законодательства в области обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения» в апреле была дополнена новым составом о нарушении санитарно-эпидемиологического законодательства при возникновении угрозы распространения заболевания, со значительно более суровым наказанием — штраф для граждан по новой части составил от 15 до 40 тысяч рублей.
- С 1 апреля начала действовать статья 20.6.1 КоАП о невыполнении правил поведения при чрезвычайной ситуации или угрозе ее возникновения начала, предусматривающая для граждан штраф от одной до 30 тысяч рублей.
- Аналогичные нормы о нарушении местных правил в связи с режимом повышенной готовности были включены в региональные кодексы: со 2 апреля такая статья действует в Москве, с 8 апреля — в Санкт-Петербурге (3.18.1 КоАП Москвы, статья 8_6-1 КоАП Санкт-Петербурга). В обоих случаях для граждан предусмотрен штраф четыре тысячи рублей.

Второй блок статей, существенно измененных из-за эпидемии, направлен на борьбу с распространением «недостоверной информации».

- С 1 апреля начинают действовать две новые уголовные статьи — о распространении «заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан» (ст. 207.1 УК) и «заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия» (207.2 УК), с наказанием до трех лет лишения свободы, а при наступлении «тяжких последствий» — до пяти.
- Активно применяется административная статья 13.15 КоАП, введенная годом ранее, а с апреля 2020 года дополненная новыми частями. При отсутствии административного расследования такие дела направляются в мировые суды.

Уже 21 и 30 апреля Верховный суд выпустил первые обзоры практики по этим статьям. За три недели их существования реальная судебная практика едва ли могла сложиться — фактически разъяснения ВС о том, как разграничивать новые статьи, предвосхитили ее появление. Таким образом Верховный суд попытался исправить недочеты, допущенные законодателем при экстренном принятии новых норм.

- Верховный суд попытался обозначить границу между уголовными и административными составами правонарушений, хотя она все равно осталась размытой.
- ВС подчеркнул, что подсудность по административным статьям о нарушении режима повышенной готовности зависит от отдела полиции, куда доставили задержанного. До этого подобная практика **действовала** только для дел о нарушениях на митингах, при «одновременном массовом пребывании» и о неповиновении законному распоряжению сотрудника полиции (по статьям 20.2, 20.2.2 и 19.3 КоАП): с 2014 году федеральный КоАП дополнили **положением** о том, что дела по этим статьям «рассматриваются по месту выявления» таких правонарушений, а в 2018 году Верховный суд **разъяснил**, что таким местом может быть отделение полиции, куда доставили задержанных. Подобная мера позволила разгрузить суды, в чью подсудность попадают центральные части города. Введение ее для новых статей может свидетельствовать о том, что суды готовились к валу дел и применили схему по распределению потоков административных дел, отработанную на массовых задержаниях. При этом данное требование применительно к статьям о нарушении карантинных мер основывается только на обзоре практики Верховного суда и не **закреплено** в законе.

- ВС высказался и о различиях в федеральных и региональных нормах, **отметив**, что привлекать к ответственности за нарушение правил, предусмотренных режимом повышенной готовности, следует в соответствии с нормами федерального КоАП, а не региональных законов. Тем не менее попытки обжаловать в Мосгорсуде наличие на региональном уровне норм, дублирующих установленную федеральным законом ответственность, **не увенчалась** успехом.

Решения о нарушениях карантинных мер по нормам КоАП Москвы выносились не судами, а региональной Объединенной административно-технической инспекцией либо в автоматическом режиме. В Санкт-Петербурге с конца апреля их **принимал** комитет по законности и правопорядку либо районные администрации. Роль судов заключалась в рассмотрении жалоб на штрафы. По данным начальника Главного контрольного управления Москвы Евгения Данчикова, к 22 июля в московские суды поступило 24,5 тысячи жалоб на штрафы за нарушение режима электронных пропусков и 425 жалоб на штрафы, наложенные системой по контролю за заболевшими «Социальный мониторинг». Статистика по таким делам в регионах недоступна, однако в Москве на начальном этапе суды **были готовы** подтверждать автоматические штрафы со ссылкой на чрезвычайные обстоятельства.

Издания **«Важные истории»** и **«Холод»**, изучив данные с сайтов судов, пришли к выводу, что уже к середине июня было рассмотрено 256 тысяч дел по статьям 6.3 и 20.6.1 КоАП (95% — по более мягкой 20.6.1 КоАП). В 88% случаев граждан признавали виновными. В качестве наказания суды в 65% случаев выбирали штраф, в 35% ограничивались предупреждением. Чаще всего накладывались минимальные штрафы: по статье 20.6.1 КоАП — 1 тысяча рублей в 79% случаев, по статье 6.3 КоАП 15 тысяч рублей — в 57%.

«Апология протеста» **отмечает**, что такие дела часто рассматривались без участия сторон, без извещения привлекаемых к ответственности и при единоличном присутствии судьи. Исследование «Важных историй» также свидетельствует, что подобные дела проходили в скоростном режиме: судья Адлерского районного суда Сочи 9 апреля вынес 55 решений по статье 6.3 КоАП, потратив в среднем по 6 минут на одно дело.

А зампреда Набережночелнинского горсуда Татарстана Ленар Хасимов за неделю рассмотрел 800 дел по статье 20.6.1 КоАП, причем в некоторые дни на одно дело уходило примерно 16 секунд. Глава Совета судей Татарстана Роман Гафаров, комментируя расследование, назвал ситуацию «экстремальной» и **заявил**, что из-за большого количества дел судьи вынуждены работать с 5-6 утра и до полуночи «на пределе своих возможностей».

В пресс-службе Набережночелнинского горсуда повышенную нагрузку **объяснили** не только огромным количеством дел, но также болезнью одного из судей. Сколько судей и работников судов заболели по всей России во время пандемии неизвестно — официально такая информация не объявлялась, хотя из сообщений СМИ можно сделать вывод, что такие случаи — не редкость. Так, сообщалось про заболевания в **Москве, Калининградской области, Мурманской области, Новгородской области, Архангельской области, Краснодарском крае, Хакасии, Башкирии.**

Статистика по обжалованию наказаний за нарушение самоизоляции по всей России не публиковалась. Известно, что Санкт-Петербурге за три месяца с середины апреля обжаловали около 1% таких наказаний по федеральному КоАП, об этом **сообщала** объединенная пресс-служба судов города.

Уголовные дела о нарушении санитарно-эпидемиологических правил носили единичный характер,

хотя их число могло вырасти по сравнению с предыдущими годами. По данным Судебного департамента Верховного суда, в 2019 суды вынесли решения по 14, в 2018 году — по 16 делам по первой части статьи 236 УК, по второй части — ни одного. За каждый год суды осудили по шесть человек, чаще всего накладывая штрафы. По **оценке** «Апологии протеста», за первые два месяца пандемии по статье 236 УК завели не менее 22 дел. В контексте COVID-19 в судах рассматривались единичные дела по этой статье, что едва ли позволяет говорить о сложившейся практике: В Якутии медсестру, пришедшую на работу с симптомами болезни, **оштрафовали** на 5 тысяч рублей, в Амурской области больного, дважды покидавшего больницу, **приговорили** к 8 месяцам условно, а дело о нарушении предписания оставаться дома было **прекращено** с судебным штрафом в 10 тысяч рублей.

Активизируется роль судов как цензурирующего органа. Первое дело по статье 207.1 УК было **рассмотрено** уже в мае в рекордно сжатые сроки: за видеозапись про отсутствие масок в самолете суд выписал жителю Сахалина штраф в 300 тысяч рублей. Массово рассматриваются административные дела о распространении недостоверной информации за высказывания о новых случаях заболевания, критику системы здравоохранения или действий властей в связи с эпидемией, или за явно саркастические посты. В ходе мониторинга, который проводила Международная правозащитная группа «Агора», за первые три месяца пандемии было **выявлено** 157 дел, заведенных по статье 13.15 КоАП. К середине июня по 12 из них суды прекратили производство за отсутствием события или состава правонарушения, по 46 делам были вынесены обвинительные постановления на общую сумму более 1 миллиона рублей. Из них 9 штрафов были назначены

ниже установленного минимального уровня в 30 тысяч рублей.

Рассмотрение исков об обжаловании ограничительных мер

Как **отмечается** в докладе юридической службы «Апология протеста», к июню карантинные меры попытались оспорить более чем в 20 регионах. Несмотря на низкое качество региональных актов (в частности, до 1 апреля у губернаторов вообще не было полномочий ограничивать права и свободы граждан), не известно ни одного случая, когда ограничения удалось полностью или частично снять через суд.

Иногда суды отказывались рассматривать иски об оспаривании ограничений — дела оставляли без движения. Так произошло при рассмотрении подобных исков в **Красноярском крае, Ульяновской, Липецкой** областях. В других случаях суды отказывались признавать нарушения в подзаконных актах. Например, в **Брянской области** суд посчитал, что введенные меры направлены на обеспечение защиты жизни и здоровья людей как высших и наиболее значимых конституционных ценностей. Тем же результатом окончилось рассмотрение исков в **Краснодарском крае, Свердловской области, Москве, Санкт-Петербурге**. Московский городской суд **отклонил** иск об оспаривании нормы регионального КоАП о штрафах за нарушение режима самоизоляции и автоматическом накладывании таких штрафов.

28 сентября Конституционный суд **принял** к рассмотрению запрос, направленный судьей Протвинского городского суда Московской области. Рассматривая конкретное дело по статье 20.6.1 КоАП, судья воспользовался возможностью обратиться в КС за разъяснением вопроса о конституционности ограничений, введенных

губернатором. В запросе отмечается, что законодательство разрешает региональным органам государственной власти «осуществлять меры по реализации, обеспечению и защите прав и свобод граждан, но не предусматривает возможности ограничивать эти права и свободы, в том числе и право граждан на свободу передвижения».

По данным на 29 сентября 2020 года, на сайте Протвинского районного суда **опубликованы** 46 постановлений по делам по статье 20.6.1 КоАП, рассмотренных с начала апреля по конец июня. По 41 из них вынесено постановление о назначении административного наказания. По пяти делам производство прекращено, причем все эти постановления вынесены одним судьей, Игорем Карповым. Именно этот судья, **возглавлявший** Протвинский городской суд с 1997 по 2011 год, написал запрос в КС.

К такой процедуре суды обращаются не часто. Согласно **обзору**, опубликованному Конституционным судом, за 14,5 лет с начала 1995 по мая 2009 года КС рассмотрел 53 запроса, исходящих от федеральных судов общей юрисдикции, то есть в среднем менее четырех запросов в год.

В пресс-службе губернатора Московской области **отметили**, что ранее постановление уже пытались обжаловать, но Московский областной суд признал его соответствующим закону.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пандемия COVID-19 сильно повлияла на общественную жизнь и работу государственных институтов, в том числе и судебной власти. Судьям и сотрудникам судов пришлось работать с риском для здоровья, при постоянно меняющихся обстоятельствах и дополнительной нагрузке

из-за потока дел, связанных с нарушением новых правил. Суды разных уровней были вынуждены реагировать на чрезвычайную ситуацию: организовать работу в новых условиях, трактовать и применять нормативные акты, принятые из-за распространения вируса, а также следить за законностью и пропорциональностью карантинных мер. В этом обзоре мы обращали особое внимание на то, как суды общей юрисдикции проявили себя в установлении новых правил за полгода пандемии в России, в решении каких задач они проявили большую активность, а какие проблемы остались нерешенными и тем самым повлияли на реализацию прав и свобод человека.

В чрезвычайных условиях проявились недостатки законов: спорные места и пробелы в регулировании. Исправить недочеты, затрагивающие работу судов, активно пытался Верховный суд.

Именно ВС, замещая бездействующего законодателя, в середине марта ограничил работу нижестоящих судов, чтобы избежать распространения вируса. Согласно Конституции, такие меры должны были вводиться федеральным законом, поскольку ограничивали фундаментальное право на справедливое судебное разбирательство. Ограничения, которые вводил и снимал Верховный суд, не всегда соотносились с действиями исполнительных властей — главного государственного санитарного врача, глав регионов. Иногда в сочетании действий ВС и исполнительных властей только усугубляло ущемление прав.

Пандемия показала, насколько ценна возможность проводить онлайн-суды. Действующее законодательство разрешало дистанционные заседания только по видеоконференцсвязи, подключиться к которой можно из зданий судов и из мест лишения свободы. В марте Совет Федерации запустил обсуждение легитимизации

онлайн-заседаний, но за полгода инициативу не реализовали. Тем временем Верховный суд в апреле разрешил судам использовать для проведения заседаний не только видеоконференцсвязь, но и веб-конференции, предполагающие подключение с личных устройств.

В конце марта вносятся изменения в УК и КоАП, появляются новые наказания за нарушение ограничительных правил и распространение недостоверной информации. Три недели спустя Верховный суд выпустил обзор практики по новым статьям, попытавшись исправить недочеты, допущенные при поспешном принятии новых норм, и дав рекомендации по разграничению схожих уголовных и административных составов. Одновременно ВС попытался распределить дела по новым статьям между судами, по всей видимости, опасаясь массовых задержаний и чрезмерной нагрузки на судей. Несмотря на эти меры, суды все равно с трудом справлялись с потоком таких дел и рассматривали их в скоростном режиме, что безусловно снизило качество разбирательства.

Практика по делам о нарушении правил, связанных с эпидемией, заслуживает отдельного исследования, но сами по себе наказания, прежде всего штрафы, стали бременем для людей на фоне ухудшения экономики.

Верховный суд постарался разгрузить места лишения свободы — мера, необходимая в условиях пандемии и тем более актуальная, учитывая, что парламент отказался от амнистии в честь 75-летия победы в Великой отечественной войне. Через неделю после того, как в Госдуме объявили об этом, ВС напомнил нижестоящим судам, что ходатайства об условно-досрочном освобождении должны рассматриваться безотлагательно, а при избрании меры заключения следует учитывать карантин в следственных изоляторах.

В то же время по многим вопросам Верховный суд не высказался или частично оставил их на усмотрение нижестоящих судов. Суды должны были решать, считать ли дело безотлагательным, если оно не попало в категории, перечисленные ВС, рассматривать ли дела дистанционно и как это осуществить технически. От них зависело, будут ли организованы трансляции заседаний и публиковаться их записи. Они сами определяли режим работы во время «нерабочих дней» и с середины мая, когда перестали действовать меры, введенные ВС.

При этом отдельные суды оказались не готовы к такой автономии. Ограничительная трактовка открытого перечня «безотлагательных» дел привела к тому, что в марте–апреле, до особого требования Верховного суда, некоторые суды отказывались рассматривать ходатайства заключенных об условно-досрочном освобождении.

Ни в одном из своих весенних постановлений Верховный суд не критиковал режимы повышенной готовности, которые приводили к массовым административным преследованиям. Отказались пересматривать меры, введенные региональными властями, и суды субъектов РФ: они либо отклоняли иски, либо оставляли дела без движения. Неожиданно активную роль взял на себя один из судов в Московской области, обратившийся за разъяснением необходимости и пропорциональности введенных в регионе мер в Конституционный суд.

Как и многие другие институты государственной власти, суды вводили ограничительные меры для того, чтобы противостоять распространению коронавирусной инфекции и чтобы поддержать свою работу в новых условиях. Суды оказались в **общем тренде** и в том смысле, что практически не предлагали альтернативных способов реализации прав, ограниченных из-за пандемии.

В некоторых случаях судебная система ставила интересы

делопроизводства выше прав и свобод человека, а иногда и выше эпидемиологической безопасности.